

Н. А. ТЕРНАВСКИЙ

ШУМЕРСКИЕ БОГИ КИ, ЭНКИ, ЭРЕШКИГАЛЬ И КОНЦЕПТ ЗЕМЛИ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена этимологии имен шумерских богов, связь которых неожиданным образом обнаруживается с понятием «земля» в селькупском языке.

Ключевые слова: шумерские боги, ануннаки, земля, селькупы, самодийцы.

В мифологических системах многих народов небо является воплощением мужского плодородного начала, а земля – женского. Божеством земли древних шумеров являлась богиня Ки. Упоминания о ней очень скудны и обрывочны. С. Крамер высказал даже предположение о том, что изначально Нинхурсаг (Нинмах) – «превозносимая жена» носила имя Ки («Мать-Земля»), и воспринималась как супруга бога Ана. «Таким образом, Ан и Ки,- пишет ученый,- считались родителями всех богов. Ее (Ки – Н.Т.) знали под именем Нинту, «дающая рождение жена»» [1].

Богиня Ки являлась древнейшим божеством и относилась к ануннакам. Она, скорее всего, связана с космогоническими представлениями протошумерских племен, занимавшихся охотой, рыбной ловлей, или ранней эпохи скотоводства. На это указывает то обстоятельство, что за плодородие у шумеров отвечали богини Ашнан (богиня земледелия) и Лахар (богиня скотоводства). Нечто подобное мы видим в мифологиях других древних народов: например, у греков. Богиня Гея – мать и супруга Урана, титанов, среди которых были Кронос и Рея, – родители Зевса, сохраняя этиологическое значение в отношении диких народов, в земледелии уступила место Деметре.

Богиня Ки в эпоху наивысшего развития Шумера не имела большого значения, у нее не было даже своего культа. В шумерском языке слово ки означало «землю, место, страну». Производными словами от него являлись *kidar* – «поделенная на участки земля», *kiab* – «край земли», *kisag* – «подземный мир» [2] и др.

Шумерский бог Энки наоборот был весьма почитаем. Он являлся божеством подземного океана пресных вод Абзу, был благодетелем и покровителем людей, хранителем скрижалей мудрости. В. К. Афанасьева его имя трактует как «владыка земли, владыка низа» [3], вероятно, от шумерских слов эн – «господин, владыка» (Ср.: Энлил – «владыка-ветер») и ки – земля.

Энки был покровителем города Эреду(г), который он, по преданию создал в пучинах Абзу и поднял на землю. Наиболее ранние о нем упоминания относятся к периоду Фары и Абу-Салаябих (первая пол. III тыс. до н.э.). По вполне понятным для Месопотамии обстоятельствам, Энки выступает как бог плодородия, создатель людей, скота и зерна («Миф об Лахар и Ашнан»). В мифе «Энки и Шумер» он выступает устройщиком порядка и гармонии на земле. Путешествуя по берегам великих

рек Месопотамии, Энки создает плуг, мотыгу, форму для кирпича, поручает богу Энкимду заботиться о каналах и рвах. Энки почитался также как создатель садоводства и огородничества [4].

Эрешкигаль («хозяйка большой земли») – богиня подземного царства, другим ее именем являлось Кигаль («большая земля»). Под властью богини находилось 7 ануннаков; ей в удел был отдан Кур (Иркалла) – «страна без возврата». В этой стране обитают души умерших [5].

Таким образом, как мы видим понятие «земля» (ки), отрываясь от своего первичного космогоническо-этиологического значения, приобрела новые функциональные значения, от подземных пресных вод, игравших важную роль в земледелии Междуречья до «страны без возврата» – хранилища душ умерших, царства богини смерти.

Наряду с общепринятым обозначением земли *tettü* в селькупском языке употребляется слово *ki*, производное от обозначения реки – *ky* [6]. *Ki* в селькупском языке означает не просто землю, но землю, находящуюся при реке, т.е. наиболее плодородную и удобную для земледелия. Следовало бы ожидать, что и у селькупов существовало божество со сходным именем, тем не менее, в мифологии селькупов такового нам не удалось обнаружить. Горизонтальное устройство селькупского мироздания тесно связано с течением реки. Река уносит самодийских героев в нереальную землю, расположенную где-то в устье реки. Примечательно, что и шумерский рай – остров Дильмун, вероятно, – находился к юго-востоку от Шумера, т.е. за устьем рр. Тигра и Евфрата.

В самодийской мифологии в целом и в селькупской в частности «мать земли» (Я-небя – у ненцев, Ылэнта-кота – у селькупов) предстает в образе старухи. Она имеет функции богини-матери, рождающей и хранящей все живое; богиня ведает и душами еще не родившихся людей, которые отправляет на землю на кончиках лучей утреннего солнца, владеет книгой судеб, обучает девушек вышивке, охраняет очаг, дом. Она также заботится об умерших, даруя им гроб [7].

Примечательно также, что главное злое божество селькупов носит имя Кызы (у ненцев ему соответствует бог Нга, у энцев – Тодоте). Кызы противопоставляется небесному богу Нуму и герою Иче. Местонахождение Кызы – подземный мир. Ему подчиняются злые духи лозы. Между Ичей и Кызы идет вечная война, символизирующая борьбу добра и зла [8].

В. В. Быконя установил, что селькупская лексема *kuq-* со смысловым значением «сила, власть» интегрируется в семантику глагола *kuralzeke* – «заставить, разрешить». В свою очередь лексема *kuq-* связана с компонентами *qog-qig* со значением «царь, правитель», т.е. божественный дух высшего уровня [9]. Нам представляется вполне уместным предположить, что Кур могло означать «землю под властью высшего духа».

Литература

1. Крамер С. Шумер. Первая цивилизация на Земле. М., 2002. С. 143.
2. The Pennsylvania Sumerian Dictionary. URL:

Index <http://psd.museum.upenn.edu/epsd1/nepsd-frame.html> Ss.

3. Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992. Т. 2. С. 662.
4. Там же.
5. Там же.
6. Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика. Л., 1935. С. 114, 128.
7. Хелимский Е. А. Самодийская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992. Т. 2. С. 398–401.
8. Мифы народов мира... Т. 2. С. 32.
9. Быконя В. В. Мифические предки в культуре селькупского этноса (по лингвистическим данным) // Вестник ТГПУ. 2011. Вып. 3(105). С. 137.

N.A. TERNAVSKIY. SUMERIAN GODS KI, ENKI, ERISHKIGAL AND EARTH CONCEPTION IN SELKUP LANGUAGE.

The author compares the names and functions of Sumerian gods with the conception of earth in Selkup language.

Key words: Sumerian god, goddess, earth, selcups.

П.С. ВОЛКОВА, П.В. НЕВСКАЯ

«БЕДНАЯ ЛИЗА» В ПРОСТРАНСТВЕ ХОРЕОГРАФИИ

В статье представлен искусствоведческий анализ хореографической новеллы А. Сигаловой «Бедная Лиза», основанной на одноименной опере Л. Десятникова.

Ключевые слова: повесть, опера, хореографическая новелла, традиции православия

По словам А. Сигаловой, импульсом к созданию ее хореографической новеллы послужила музыка оперы Л. Десятникова «Бедная Лиза», диск с записью которой случайно оказался у нее в руках. Примечательно, что главные герои – Эраст и Лиза – знакомятся в кинозале, сидя перед экраном. Поскольку такое решение, судя по признанию нашей современницы, было напрямую связано с ее собственным опытом, когда она в минуты отчаяния шла в кино-театр, чтобы раствориться среди незнакомых ей людей, можно предположить, что Эраст и Лиза также оказываются, каждый сам по себе, загнанными в кинозал чувствами тоски и одиночества.

Знаменательно, что выбор в качестве претендентов на главные роли драматической актрисы (Ч. Хаматова) и профессионального балетного танцора (А. Меркурьев) отвечает ситуации, в рамках которой Эраст и Лиза – люди из разных миров. Однако если у Карамзина подобное неравенство обусловлено в первую очередь личностными свойствами главных героев, то у А. Сигаловой – исключительно половым различием. Что же касается принципиального несовпадения задач, которые решают в своей профессиональной деятельности драматическая актриса и актер балетного театра, то этот момент носит, скорее внешний характер. Дело в том, что как Хаматова, так и воспитанный на классическом искусстве Меркурьев одинаково неуютно чувствовали себя в рамках современного танца.

По сути, их дуэт – это очередная love story, с той лишь оговоркой, что в ней нет «ни тени сентиментальности» (Ч. Хаматова), хотя, с учетом того, что собственно сентиментальность в контексте карамзинской повести являла собой лишь противоположное провозглашенной классицизмом рациональности намерение «прежде всего воздействовать на чувства читателя, вызывая либо сочувствие, либо ненависть к описываемым событиям» [1], подобное заявление воспринимается как следствие недостаточного владения материалом первоисточника. Далее, как поясняет А. Сигалова, живущая в ожидании любви Лиза в объятиях Эраста – «вся порыв, в ней в муках рождается женщина». Лиза – «это сила, она – гипер-женщина, которая умирает от любви, – вторит ей Ч. Хаматова. Причем, судя по финалу этой хореографической новеллы, смерть здесь, конечно же, духовное, а не физическое состояние.

В то же время, несмотря на отсутствие каких-либо глубинных соответствий произведения Сигаловой тексту Карамзина, за исключением имен главных героев, в числе знаковых для современного хореографа лексем, которые присутствуют в тексте первоисточника, оказываются лексемы «амфитеатр» и «мечта». Остановимся на каждой из них более подробно. Принимая во внимание обстоятельство, согласно которому «амфитеатр» – античное сооружение для зрелищ; место